

SHOUT
SHARE IT

Василий САРЫЧЕВ

ФЁДОР ЧЕРЕНКОВ

Часть 1. Счастье

Он был символом бесковского "Спартака". Чуть старомодного, кружевного, но дьявольски привлекательного, готового ради стиля жертвовать результатом.

Неатлетичный, мельчивший "стеночками" и забеганиями "Спартак" ярко смотрелся в союзном чемпионате, однако сминаемый прессингом уловивших тенденции европейцев, имел мало шансов на международной арене.

Звездой внутреннего сгорания остался и Федор. Ему так и не довелось сыграть в составе сборной на топ-турнирах, но на наших полях он был любимым, народным футболистом, на которого ходили во всех городах. Болельщики-"спартачи" начала восьмидесятых говорили, что игра их команды — это Гаврилов, а Черенков — ее душа.

Он не был разгульным или битым системой, каких привлекает зритель, не мелькал в светской хронике. Но не метил и в праведники, не строил на этом имидж — нелепое вообще сочетание: Черенков и имидж. Довольно долго он с удивлением смотрел на свою известность, испытывая неловкость перед взрослыми незнакомыми людьми и перед партнерами, при этом присутствовавшими. Он был немного не от мира сего, человек с психологией воспитанного подростка, старавшегося не выделяться в командном быту. Он и режим нарушал ровно так, чтобы не отрываться от коллектива... Его зона начиналась и заканчивалась прямоугольником поля, где, собственно, и происходили чудеса, где он жил и творил самозабвенно.

Но не только в игровой притягательности лежит загадка народной любви к Федору, не пользовавшему эту любовь и

смушавшемуся ее проявлениям. Он пришел в большую игру с собственным изысканным почерком без обычных довесков к нему — манерности, значимости, защитного панциря — и ушел таким же.

"Удивительно наивен, — сетовала жена, когда они еще были вместе. — Кажется, вообще не верит, что есть подлость..."

Он был открыт, как ребенок, которого неловко обижать, — даже записным злодеям, каких полно вокруг спорта, пришлось бы через что-то переступить. За них все сделала судьба.

Одаренный человек не просто талант пришел проявить — зачем-то еще. Всмотритесь в глаза, в глубине которых еще не гнездится болезнь, — в них вместо настроя спокойная отрешенность. Какое послание нес нам Федор Черенков, чья сущность не вязалась с джунглями спорта, где выживает тот, кто сильнее, интрижистее, локтистее, а слабому или мягкому дороги нет?

Почти у каждого игрока, не важно, классного или не очень, жизнь проходит примерно одинаковые этапы. Вначале, когда юн и не нажито болячек, и ноги быстрее головы, и улыбаются девушки, и десять лет бесконечны как жизнь, — футбол тоже кажется бесконечным, транжиришь не задумываясь. А мгновенья летят: культ карьеры, новые горизонты, желание заработать — не заметишь, как все мелькнет, и оказываешься вдруг в зрелом футбольном возрасте, когда тело поспекает не за всеми решениями, и сколько ни знай-умей, горизонты сужаются, и надо помалу сворачиваться и думать о парашюте, так и не успев главного — насладиться игрой. Гармония, как своевременное осознание счастья, мало кому выпадает не только в футболе, все мы живем прошлым и будущим, не догадываясь ценить момент.

У Федора Черенкова было иначе в силу особенности его натуры. И в силу обстоятельств, вскоре сделавших поле единственным местом, где он мог быть счастливым.

Как многие мальчишки шестидесятых-семидесятых, он вышел из дворового футбола — играл за команду домоуправления в районных соревнованиях "Кожаный мяч". Мама рассказывала, когда Федя был совсем маленьким, какой-то мужчина, увидев во дворе, как он играет, узнал квартиру и принес ему настоящий футбольный мяч.

Два года мальчик занимался в спортклубе в Кунцеве, а в десять лет тренер порекомендовал его в школу "Спартака".

Спартакотским болельщиком был отец, и первый настоящий матч Федор увидел шестилетним с лужниковской трибуны — подопечные Никиты Симоняна играли с киевским "Динамо". В тот день сын навсегда стал спартакотцем. И теперь, на отборе в

ДЮСШ, куда тоже привел отец, Федор готов был землю грызть, и его заметил, зачислил в группу Анатолий Масленкин. Легендарный в прошлом защитник, чемпион Европы и Олимпийских игр стал шлифовать черенковский дар, и этот тренерский вклад сопоставим со вкладом в главные два достижения советского футбола. Что любопытно, карьера Федора оказалась созвучна тренерской: 34 матча за сборную против 33 у Масленкина и бронзовая медаль московской Олимпиады.

Когда Черенкову было шестнадцать, выпускные игры просматривал Николай Петрович Старостин. Он и стал его крестным отцом: расспросил про родителей, про учебу и пригласил в дублирующий состав.

Мудрый Бесков все понял с полувзгляда. Федора подключили к тренировкам основного состава. Вот как описывает появление новичка Олег Романцев: "Первый раз Черенкова в Тарасовке перед двусторонней игрой увидел и подумал: очередной эксперимент Старшего. Ну таким Федька нефутбольным на вид показался, что в какие-то его особые возможности, о которых я уже кое-что слышал, никак не верилось.

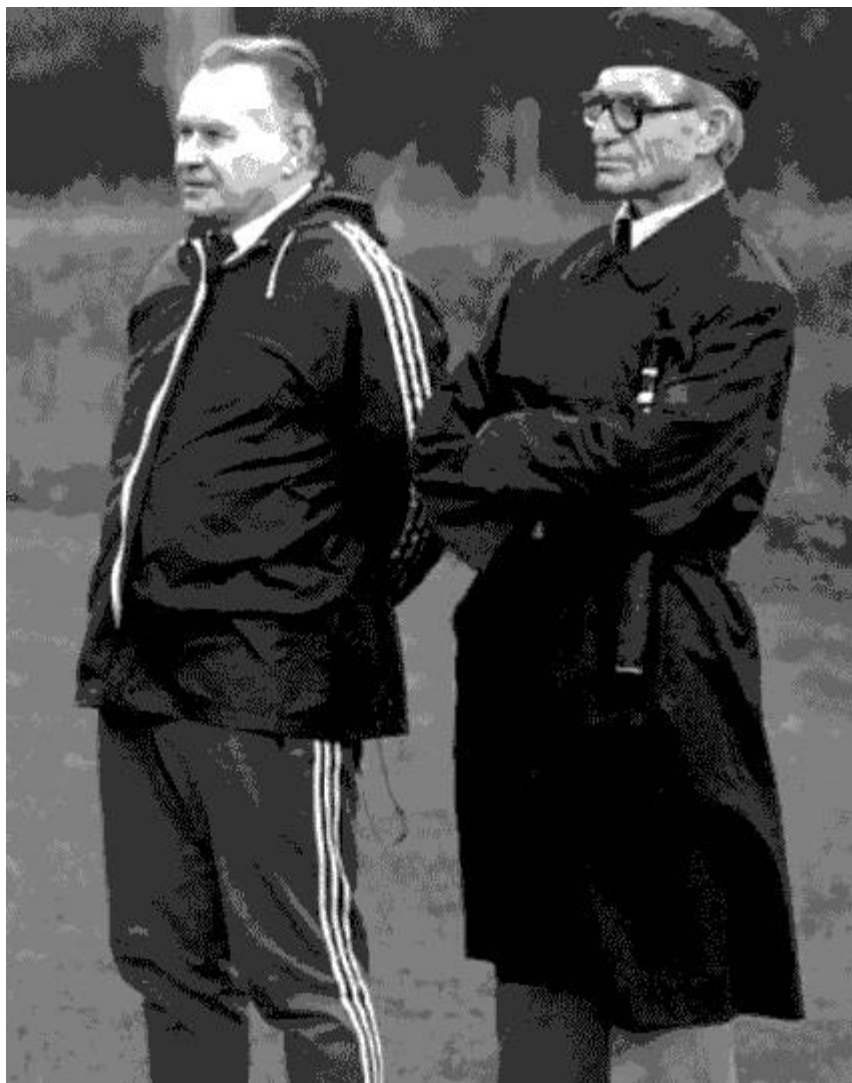
А игра началась, понял: парень необычный, с изюминкой. В первый раз он мяч получает и останавливается. Я на него — думаю, либо дрогнет сейчас, либо поспешит пас отдать. А Черенок вдруг с места рывок, и нет его — ушел во фланг. Я разозлился, как-никак в сборной уже играл. А тут мальчишка какой-то со своими дворовыми фокусами. Ну и за ним.

А мальчишка неожиданно встал как вкопанный, и я — мимо. В следующее мгновение новичок, не дожидаясь, опять включил

скорость и, выйдя на свободное место, опасно прострелил. В той же встрече он еще не раз всех нас удивлял подобными неожиданностями. Я потом понял: все время в игре что-то новое находить — у Федора в крови. Потому и непредсказуем он на поле".

В 1978 году восемнадцатилетний Черенков дебютировал в высшей лиге. А в следующем, чемпионском, стал не просто ключевым игроком, а был возвеличен болельщиками до домашнего "Федя".

Стянуть на себя целое имя дается единицам на миллион. Это больше чем производное от фамилии, хотя кто скажет, что Бобер — не круто. Прозвище сразу индивидуально, а с именем не так: сколько Лёш, Коль, Саш что ни день рождается всяк со своим талантом — но тут и гениальности мало. Не просчитать эту химию и не объяснить, но Эдик останется один на века (хотя и у нас есть свой очень достойный), и Гришу в футболе никто не перебил — и таким же вошел в историю Федя.

Бесков разглядел в худеньком юноше свой будущий джокер и подводил его бережно, позволял на поле больше, чем другим. Черенкова важно было не ломать установками, давать прислушиваться к себе, и знавшие диктатора "Спартак" удивлялись, как он себя в этом случае переступил.

За первую зиму под началом тренера Федора Новикова новичок подтянул "физику" и стал выдерживать нагрузки, но эта сторона никогда не будет его коньком. Бесков и потом Романцев окружали Черенкова россыпью не просто умных, а снимающих часть работы партнеров.

Это окупалось. Ловкость, координация, безупречная техника, но главное, мышление, понимание игры были невероятны. Черенков мгновенно прочитывал любую задумку и принимал

интуитивное решение. "Порой он играл элементарную, понятную для соперника схему, — вспоминал поздний партнер Василий Кульков, — но делал это с оптимальным переключением скоростей, с пасом в нужный момент в нужную точку, и соперник ничего не мог противопоставить. Тонкость передач, дар предвидения, техника обводки... Он многим уступал в силе, в скорости бега, но скоростью мышления опережал даже не на доли секунды, а на целую".

Ранней осенью семьдесят девятого Бесков принял сборную. Вызов в нее совсем молодого Черенкова был пробой и авансом. Спартаковец дебютировал 12 сентября в Афинах в отборочном матче чемпионата Европы против греков. Советская команда уступила 0:1, после чего тренер полгода не обращался к кандидатуре молодого полузащитника. В восьмидесятом Федор вернулся во всей красе — с 23 мая по 27 июля в составе сборной забил подряд Франции (1:0), Бразилии (2:1), Дании (2:0), Замбии (3:1), Венесуэле (4:0), Кубе (8:0), Кувейту (2:1).

Французам он положил в Москве, принес победу за пять минут до финального свистка, а бразильцам — в Рио на сакральной "Маракане" в присутствии 130 тысяч зрителей. Он тогда сравнял счет после гола Нуньеса, а вскоре Сергей Андреев довершил сенсацию. Это была единственная победа над бразильцами в истории сборной СССР, а противостояли ей Зико, Эдер, Сократес...

Начиная с Замбии — уже московская Олимпиада, куда Феде на подмену Бесков брал Александра Прокопенко. Бомбардирская серия Черенкова прервалась в полуфинальном матче с

восточными немцами, и советская команда довольствовалась бронзовыми медалями, воспринятыми в стране как большая неудача.

В отборочном цикле чемпионата мира Федор в сборной практически не играл. Задачу выхода в финальную часть Бесков решил, сделав ставку на более выносливых и бывалых. Это была блестящая команда, но перед Испанией посыпались травмы, лишившие сборную основных плеймейкеров Кипиани и Буряка. У Бескова были все основания везти на чемпионат 22-летнего Черенкова, но у руля уже стоял тренерский триумvirат, где каждый тащил своих. И по Феде решили: не его чемпионат. Молодой, еще успеет.

Часть 2. Вычет судьбы

В конце марта восемьдесят третьего Валерий Лобановский, стянувший на себя полномочия с разношерстного тренерского триумvirата в Испании, а после мундиаля официально принявший сборную, вызвал Черенкова на товарищеский матч с французами — ответный визит в Париж. Ничья на "Парк де Пренс" давала повод для оптимизма. "Играй команда весь матч так, как первые полчаса, не только французы, а любая сборная оказалась бы нам под силу", — скажет после игры Лобановский.

На исходе этого получаса Черенков и забил — второй раз подряд подопечным Мишеля Идальго, считая их московский приезд, и вновь не уступал в изобретательности самому Платини! После удачной пробы Федор и питерский новичок Николай Ларионов попадут в обойму и будут вызываться Лобановским в сборную весь сезон.

Двадцатитрехлетний игрок в один момент вдруг стал нужен всем. Бесков уже не был хозяином положения, и дальше "Спартак" его компетенция не распространялась. Национальная — первая, как ее тогда называли, — сборная пользовалась абсолютным приоритетом, а помимо нее была еще олимпийская, где совмещительствовали Ларионов и Черенков. Грузят на того,

кто везет, и Федя тянул.

27 апреля 1983 года сборной СССР предстоял отборочный матч чемпионата Европы с португальцами. В Новогорске накануне игры Лобановский вызвал Черенкова к себе в номер. Спросил: "Знаешь, на какой позиции будешь играть?" Федор догадывался, что левого хава — место центрального было занято. "А знаешь, кто против тебя выйдет на фланге?" — "Думаю, Шалана".

И все. Федор попал в число одиннадцати и действительно играл против Шаланы. В том матче наши учинили разгром 5:0.

Черенков забил два мяча. Открыл счет на 16-й минуте — с лету под углом, пластично извернувшись после навеса с фланга, а на 63-й реализовал "буллит" — обвел Бенту и закатил в пустые ворота.

Но самым красивым мог стать еще один, незабитый. Получив пас "в спину" у линии штрафной, Федор не то шведой, не то пяткой в касание перебросил мяч через головы — свою и защитников — и шмыгнул между португальцами к опускающемуся мячу. Не дав коснуться земли, нанес могучий, не черенковский удар — перекладина! Это было почище знаменитого гола Пеле в его первом звездном финале и могло войти в топ столетия.

Второй мяч португальцам был одиннадцатым в четырнадцати матчах за сборную (а еще двумя неделями раньше не засчитали в Швейцарии) — неудивительно, что с такой стрельцовской статистикой Черенкова рвали на части.

17 мая — товарищеская встреча в Вене с австрийцами, 22-го — отборочная с поляками в Хожуве, 26-го — девяносто минут за олимпийскую сборную уже в другом отборе против Болгарии, 1 июля — снова в составе первой с финнами в Хельсинки.

Тот год вышел лучшим в карьере Черенкова. Было трудно представить, что спартаковец впишется в реестр Лобановского, чей чудовищный атлетизм коллективного отбора раздавил в семьдесят пятом всю клубную Европу, но Федор набрал фантастическую форму. Ринат Дасаев вспоминает: "Кроме "Спартак" он выступал еще и за обе сборные — первую и олимпийскую, пересаживаясь из поезда в поезд, из самолета в самолет, меняя футболки и партнеров. Я видел, как иногда, приезжая в Тарасовку из очередной поездке, Федя запирался в комнате и отлеживался, приходя в себя".

Непостижимым образом Черенков успевал восстановиться в чередѣ матчей один важнее другого, требовавших колоссального напряжения, и именно эта несвойственная Феде выносливость не дает покоя в свете случившегося. "Колотов умер в пятьдесят, у меня был инфаркт — это от нагрузок Лобановского", — скажет известный в прошлом защитник Виктор Звягинцев еще до последних трагедий. Фармакология того времени делала упор на снижение порога усталости, а вторым ударом шло форсирование восстановления.

Федору, казалось, все нипочем, он летал по полю. Его популярность росла как на дрожжах. Он даже решился на химическую завивку, и это диво лишь подчеркнуло новый статус кумира. Впрочем, прическа была не его инициативой: жена и ее

подружка-парикмахер, молодые девчонки, загорелись идеей — так за границей носят. Федя отбивался, но в конце концов махнул рукой. Потом, когда "химию" состриг, жена жалела: "С кудряшками было лучше..."

Я запомнил того завитого Федора по июльскому матчу в Минске. Он был немного уставшим, и динамовские партнеры по олимпийской сборной (принявший ее Малофеев использовал Янушевского, Шишкина, Гоцманова, Алейникова, Гуриновича, а Пудышева примерит следующей весной) сумели отыгратись с 0:2 к десятой минуте и вырвали победу. По возвращении в Москву Бесков назначил крайнего — отчислил капитана команды Олега Романцева, а через матч ввел в состав харизматичного Александра Бубнова.

Осенью к сборным добавились еврокубки — еще шесть матчей на высшем уровне. Нагрузка на Федора достигла предела. Ему бы взять паузу, согрешить на "заднюю поверхность бедра" или просто "повозить тачку", но при всей игровой смекалке житейская хитрость была для него трудна. Да и негде было волынить: осень — пора урожая.

Черенков сыграл главную роль в решающей фазе олимпийского отбора. Его выездные голы в Венгрии (1:0, гол за минуту до конца) и Греции (3:1, второй победный на 84-й минуте) принесли команде путевку в Лос-Анджелес, воспользоваться которой не довелось из-за бойкота Олимпиады — ответных

санкций за Москву четырехлетней давности.

В первой сборной результат не удался: одолев через четыре дня после греков команду Польши (2:0), наши проиграли решающий матч португальцам в Лиссабоне, где Шалана заработал пенальти, найдя ногу Боровского. На последних минутах встречу едва не спас удар-навес Черенкова с правого края: мяч опускался в "девятку", но попал в перекладину.

До этого сборная больше года не знала поражений и досрочно выиграла бы группу, сыграй поляки с португальцами хотя бы вничью двумя неделями раньше. Но те не упирались и слили домашний матч, не выставив Бунцолу, Бонеку и Дзекановского, что было неудивительно на фоне тогдашних настроений ("Орла врона не покона" — "Ворона орла не победит"). Спорткомитет СССР отреагировал на невыход в финальную стадию чемпионата Европы люстрационным документом, запрещавшим использовать Лобановского и Симоняна в качестве тренеров любой сборной страны, от первой до юношеских.

А спартаковцев в осенних раундах Кубка УЕФА ждала удача. Дежурно пройдя финский ХИК (2:0, 5:0), во втором раунде подопечные Бескова сотворили сенсацию — они одолели действующего обладателя Кубка европейских чемпионов британскую "Астон Виллу". Домашняя ничья 2:2, добытая на последней минуте ударом Гаврилова, оставляла шансы на ответный матч. 2 ноября в Бирмингеме ознаменовалось бенефисом Черенкова. Проигрывая по ходу, спартаковцы вырвали победу над лучшей клубной командой Европы за счет голов Федора на первой и предпоследней минутах второго тайма.

Третий раунд с роттердамской "Спартой", в средней линии которой играл ван Гал, растянул сезон — невиданное тогда дело — до середины декабря. Голландский барьер подопечные Бескова одолели на последнем издыхании — 1:1 с удалением Гесса и 2:0.

Журналистский опрос еженедельника "Футбол-Хоккей" безоговорочно принес Федору Черенкову звание лучшего футболиста года. Года-сказки, подарка судьбы, которая сполна за него и вычла.

Это случилось ранней весной. Накануне «Спартак» провел матч с тбилисским «Динамо» (0:0) и остался в грузинской столице, где предстоял четвертьфинал Кубка УЕФА с "Андерлехтом". В первом поединке в Бельгии спартаковцы проиграли 2:4 и были настроены дать бой.

Команда готовилась выйти на поле, когда Федор вдруг понес бессвязное. Решили, шутит, хотя было на него не похоже, и только увидев глаза, поняли, что дело худо. Бесков в срочном порядке ввел в стартовый лист Сергея Шавло.

Забив лишь на предпоследней минуте, спартаковцы не выполнили задачу, но главное разочарование ждало в гостинице: Федор так и не пришел в себя. 21 марта 1984 года стало чертой, разделившей его судьбу на «до» и «после». Отныне, то отступая, то возвращаясь, болезнь станет его спутницей навсегда.

Более полусотни официальных матчей, сыгранных в один год сразу в пяти турнирах, сокрушительно ударили по психике. «Я сильно себя перегрузил, — признает впоследствии Федор. — Все произошло неожиданно, организм как-то сразу сломался: раз — и все! Я ощутил колоссальную усталость и впал в депрессию».

В закрытой стране слухи мчат быстрее телеграфа. Когда Черенков в начале лета вернется в состав, на всех стадионах будут знать о проблеме и, вглядываясь в игру, констатировать: не тот Черенков.

В футбольной среде случившееся приняли с сочувствием. Федор был добрым, незаносчивым парнем, практически не нажившим врагов, разве что перешел кому дорогу талантом. Тренер "Металлиста", известный хохмач, разбирая проигрыш подопечных, изрек вмиг разлетевшуюся репризу: "Один был игрок в Союзе, и тот с вами, дураками, поиграл — с ума сошел".

Поздней осенью "Спартак" выиграет в Харькове 2:0 и оба гола забьет Черенков, но это чистой воды совпадение.

Часть 3. Белый билет

Не припомню других примеров, когда возвратившийся с диагнозом из "психушки" вернул бы место в составе и прежний уровень игры. Умница Бесков 6 июня — всего два с половиной месяца прошло — выпустил Федора на поле, угадав футбольным своим нутром, что не покой ему нужен, а игровая среда.

"Спартак" перед этим свалился в яму, подряд потерял очки с ЦСКА, "Торпедо", проиграл "Черноморцу" и ко всему был выбит из розыгрыша Кубка воронежским "Факелом". Надо было что-то срочно делать, и тренер встряхнул игру возвращением Черенкова.

Но нельзя не оценить силу воли, обнаружившуюся в этом

субтильном пареньке. Он почти без пропусков сыграл оставшиеся матчи того сезона и 41 встречу из 42 в следующем восемьдесят пятом году, когда с 18 мячами стал лучшим бомбардиром команды. Чего это стоило на фоне любопытствующих и убийственно-сочувственных взглядов, ведомо только ему.

В начале восемьдесят пятого сборную СССР возглавил Эдуард Малофеев. Приглашение Федора в главную команду страны на матч 2 мая стало вызовом сомневающимся.

Судьба Малофеева перекликается с карьерой Черенкова. Как не дал Господь выдающемуся по таланту игроку испытать силы на мировой арене, ровно так не пустил он туда Малофеева-тренера. Так было с олимпийской и первой сборными, уже выведенными в финальную часть, так случится с национальной командой Беларуси, остановившейся в шаге от сенсации. Тренер-то Малофеев поярче себя же футболиста, форварда-труженика (6 голов в 40 матчах за сборную). Но именно как игрок он поехал на чемпионат мира в Англию и вернулся с бронзовой медалью.

Тренерским коньком Малофеева не зря считается психология. 95 тысяч зрителей восторженно приветствовали появление на бровке Черенкова, которому тренер при счете 4:0 подарил концовку отборочного матча со Швейцарией. Можно было предположить, что тренер чисто по-человечески поддержал игрока, и наверняка этот мотив присутствовал, но потом Федор вышел в основе на "товарняк" с Румынией, забил и обосновался в малофеевской обойме, сыграл в череде победных поединков против немцев, датчан, ирландцев, норвежцев...

Завоевав путевку на мировое первенство, в восемьдесят шестом Малофеев имел полгода на непосредственную подготовку к мундиалю, и вот здесь — не пошло так не пошло.

Январскую прикидку в Лас-Пальмасе наши проиграли испанцам, что было естественно, учитывая соперника и пору года.

В феврале команда полетела на сбор в Мексику, который венчал поединок с хозяевами, и получила неприятности похуже. Мало того, что советская сборная проиграла команде, которой не следовало проигрывать, так еще у Федора произошел срыв.

Вспоминает врач команды Савелий Мышалов: "По моим наблюдениям, среднегорье неблагоприятно сказывается на самочувствии хронических больных. Во всяком случае, тогда этот негатив проявился. В конце сбора, вдруг подняв меня среди ночи с постели, Черенков неожиданно сообщил: "Жена при смерти, я должен лететь в Москву!"

И дальше понес полный бред. Я как мог пытался его успокоить..."

Позвонили родным, дали Феде трубку, но если бы все было так просто... Руководители делегации стали подумывать о досрочной отправке Черенкова домой, но сажать его одного в самолет было рискованно. Сошлись на том, что освободили от тренировок и установили аккуратный контроль.

По возвращении в Москву Федором занялись врачи,

лечившие его раньше, и довольно быстро привели в норму. 3 марта он уже сыграл за "Спартак" в матче открытия сезона, а во втором туре положил два "Зениту".

А сборная тщетно пыталась найти прошлогоднюю игру. Уступила дома англичанам и в гостях румынам (в каждом из двух матчей Чивадзе не забил пенальти). Последней каплей стал майский домашний матч с финнами. Восемь киевских игроков синхронно отбыли номер, и эта нулевая ничья ожидаемо спустила курок. Через пару дней Малофеев был отправлен в отставку. Бразды правления передали амнистированному Лобановскому, чье "Динамо" выиграло накануне Кубок кубков.

Назначение перед отправкой в Мексику на место коллеги, у которого не заладилось, на волне европейского успеха и большого клубного представительства было пусть где-то и рационально, но с учетом решения им задачи вывода сборной на чемпионат — не по-человечески. По большому счету, к Валерию Васильевичу нет претензий, не он себя назначал. Мог бы, конечно, поступить благородно, однако тренерская стезя не по майскому лугу — по минному полю петляет. Жесткая штука конкуренция, а за чемпионат мира особенно.

Сейчас можно гадать, как сложилось бы у Черенкова, возьми его в Мексику Малофеев. Хочется верить, зажег бы словами, как

за ребенком ходил и, глядишь, излечил бы душу. Но можно было и сломать. Нам в любом возрасте хочется чудес, потому и открываем сердце добрым волшебникам, а потом гневно изгоняем, оскорбленные неслучившимся.

Но было как есть: сборную возглавил человек рациональный, чьи решения основывались на холодном расчете. Федор мог стать проблемой, а в игровом плане вряд ли вписался бы в бешено готовую стаю молодых киевских львов. И на второй день после принятия команды Лобановский отправил домой его и Гоцманова.

Вспоминает доктор Мышалов:

"Валерий Васильевич ему (Федору) о своем решении сообщать не стал. Вызвал меня и сказал: "Прошу дипломатично, как вы умеете, поговорить с Черенковым. Деликатно дайте знать, что в дальнейшем он в сборную привлекаться не будет из-за болезни, которая может в любое время обостриться".

Я не знал, с какого боку подступиться. Взволнованно, путаясь в словах, начал издаেকে:

— Претензий к тебе никто не предъявляет. Но в целях профилактики, чтобы сохранить твоё здоровье... Ведь мы опять летим в Мексику... твои проблемы... стрессовая нагрузка...

Вслушав это бормотание, Федя не выдержал, заплакал. Потом взял себя в руки, собрал сумку и уехал из Новогорска".

В Мексике сборная наделала шуму, но немного не рассчитала. Начали с места в карьер (6:0 над венграми), выиграли группу, а в 1/8 неожиданно оступились на скромной команде Бельгии при результативных судейских ошибках. Однако игра впечатлила, и Лобановскому доверили два следующих цикла. Его команда победным маршем пройдет по Европе, где станет вице-чемпионом.

В конце восьмидесятых мэтр вспомнит о Черенкове — пару раз даст сыграть в товарищеских матчах и даже выпустит на шесть минут в отборочном поединке чемпионата мира против турок, но было ясно, что это лишь дань общественному мнению. На Италию-90 переживавший тогда вторую молодость Федор тренером не рассматривался.

— Позже, когда вы пересекались с Лобановским, в кулуарах, не спрашивали его, почему он вас тогда не брал в сборную? — будут донимать Черенкова уже после завершения карьеры.

— Ничего я не спрашивал, я очень уважительно к нему отношусь, считаю талантливым тренером...

— А Бесков все-таки лучше?

— Бесков — лучше.